

34. ВАСИЛЬ БЫКОВ

3 января 1989 года членов писательского союза по телефону собрали в Доме литератора. В фойе устроили регистрацию. В зал заседаний пропускали по членским билетам. Подобная формалистика практиковалась обычно на съездах, раз в пять лет. Что за торжество на сей раз? Необходимо выдвинуть кандидата в народные депутаты СССР. Избирательная система предусматривала упрощенное производство депутатов общественными организациями. ЦК КПСС спустил в Союз писателей СССР разнарядку на десять депутатов. СП СССР спустил в СП БССР разнарядку на одного.

Уже четвертый год шла Перестройка, породив новейшие, самые горькие разочарования, отраженные в анекдотах. Уже соврал Горбачев о Чернобыле, о многом другом. Уже разогнали Дзяды в Минске. Уже бурлила свободой Прибалтика. Уже разваливался СССР. А белорусские писатели продолжали пребывать в детстве. Выдвинули пять депутатов. Среди нас много достойных, способных перестроить Перестройку.

Пятеро достойных под разными предложениями стали брать самоотвод. Янка Брыль сказал: "Я благодарен вам за доверие, но я еще не потерял чувство юмора." Василь Быков сказал протокольно: "Я заявляю самоотвод по состоянию здоровья." В списке никого не осталось. Не комедия ли? Нет, еще не комедия. Таковая разыгралась, когда писатели, оставшись без депутата, толпой навалились на Быкова.

Анатолий Вертинский: "Надо все-таки оставить в списке Быкова."

Василь Быков: "Значит ли что-нибудь воля одного человека? Или вы, как в застойные времена, будете насилловать?"

Георгий Колос: "Нам надо не избирать Быкова, а просить."

Василь Быков: "Я не знаю, может, это проявление демократии, когда просят. Но я тоже вас прошу: поймите меня. Все, что я пережил в последнее время, заставляет меня отказаться от пустого депутатства. Я не смогу оправдать ваше доверие. Не найду в себе физических сил участвовать в политической игре. Прошу не настаивать. Я принял твердое решение."

Владимир Орлов: "Мы, молодые писатели, пришли в литературу с чувством безнадежности. Но сейчас появился сдержанный оптимизм, в чем и ваша заслуга, Василь Владимирович. Не бросайте нас."

"Алесь Емельянов: "Если Василь Быков откажется, то нам и не надо никого выдвигать."

Владимир Якутов: "Лучик нравственности в политику сейчас не внести никому, кроме гения. Василь Владимирович, уважьте нас."

Алесь Махнач: "Предлагаю: просить Быкова согласиться, прекратить прения, проголосовать за выдвижение его в депутаты."

Большинством голосов писательское собрание произвело Василя Быкова в народные депутаты. Подтвердило признание его заслуг, оказало высочайшее доверие. Проявило не менее высочайшее неуважение к личности, изнасиловало волю и свободу человека. Лишило его чувства юмора, ощущения реальности, заставило три года, до роспуска СССР в 1991-ом, изображать высшую власть, сидеть рядом с придурками, прогоняющими с трибуны Совесть — Андрея Сахарова.

В апреле 1966 года "Правда", "Красная звезда", "Советская Белоруссия" опубликовали разгромные статьи о военных произведениях Быкова. Огонь корректировал ответственный работник ЦК КПСС Владимир Севрук, выходец из Беларуси. Поводом послужила повесть "Мертвым не больно", где автор-фронтовик показал то, что лично видел: безжалостность командиров и беспощадность особых отделов, героизм солдата и недоверие к солдату.

Рецензенты обвинили писателя в одностороннем освещении войны, в очернительстве народного подвига. Народ организованно откликнулся, сочинил в газеты заметочки, где выразился просто и понятно: Быков — лжец. Тот, кто без прикрас показывает современникам их время, — тот враг современников. Обнаженную правду, которая унижает народ и в войне и в мире, народ стремится облагородить мифом. От фронтовиков, рассказывающих о военной молодости, я слышал фразу: "Эх, прекрасное было время!" Партия уловила ностальгическое настроение, указала на разрушителя мифа: писатель Быков.

Так чье же настроение уловил Быков? Первого послевоенного поколения. В 1966-ом я учился в университете на журфаке, главнейшим предметом являлась история КПСС. Журнал "Маладосць" с повестью Быкова студенты передавали друг другу. Повесть пленила нас новыми фактами о войне.

В мае 1966-го состоялся Пятый съезд белорусских писателей, на котором я присутствовал как молодой поэт. Тут не обойтись без дневника: "Съезд идет бурно. Если бы не Быков и не Карпюк, все было бы тихо и гладко. Объективная правда не всегда совпадает с партийной. И если не совпадает, партия хочет привить ее силой."

Выступление Быкова мне не понравилось. Он волновался, был криклив, косноязычен. Цитировал длинные отрывки из Белинского как своего

адвоката. Я испытал разочарование. Вживе Быков показался слабее того Быкова, повести которого я читал с восторгом.

Теперь, не единожды пообщавшись с писателем, я могу объяснить причины давнишнего разочарования. Он мастак повествовать закрученный сюжет, но отнюдь не выступать с речами. На том съезде Быков выступал как политик, использовал демагогию как систему доказательств, сошел на уровень оппонентов — и помельчал.

Чтобы удержать талантливого писателя на своем уровне, чтобы привязать его к официальной шкале ценностей, чтобы выдавить из строптивца хоть слово благодарности и тем унижить, власть в 1974 году, к пятидесятилетию со дня рождения, дала Быкову Государственную премию СССР. Наградила за то же самое, за что уничтожала?

В награжденной повести "Дожить до рассвета" раненый лейтенант Ивановский лежит на дороге с последней гранатой, хочет подорвать вражескую машину с генералом, но видит конного обозника, думает последнее: "Вот он и дождался рассвета и встретил на дороге немцев! Все кончалось так нелепо, подло и бездарно, как ни в каком случае не должно было кончаться." Точно и жестко, как на войне. Щемящая тоска о жизни. Правда места и момента. Подлинный талант. Но талант партия не награждала. Если бы повесть завершилась "бездарной" смертью лейтенанта, не видать писателю почестей.

А повесть и не завершилась. Лейтенант Ивановский подорвал себя и "всего лишь" обозника, но успел подумать вот что: "Да, он исчезнет... Но останутся жить другие. Они победят, им восстанавливать эту зеленую счастливую землю, дышать на полную грудь. И любить." Прежде чем погибнуть, лейтенант стал публицистом-патриотом. По воле Быкова-политика, который, увы, не чета Быкову-писателю, но достоин госпоощрения. Автор удушил своего героя ложной фразой, взятой из позднейшего времени, из политпроса.

В 1984-ом маразматическом году советской истории, которая шаркала дряхлой походкой третьего престарелого генсека, Василю Быкову исполнилось 60 лет. Его военная проза переросла в прозу философскую. На войне он замечал прежде всего Человека, причины побед и поражений видел не в идеологической сфере, а в Духе человеческого. Любовь, ненависть, страх, долг — эти чувства определяют взаимоотношения фронтовиков, партизан, полицаев.

Быков открывает внутрочеловеческую войну. Открывает и... зарывает в землю. Герои часто закапывают друг друга в безвыходных боевых ситуациях.

Хороня Дух, Быков подчеркивает бездуховность войны. Упрятывая в землю тела и чувства воевавших, он упрятывает и причины войны. С точки зрения Человека война — беспричинна.

Дух привел Быкова к пацифизму. Его слава пошла по миру. Вдогонку партия, чтобы сохранить свое лицо, присвоила Быкову в 1984 году звание Героя Соцтруда, а в 1986-ом — присудила Ленинскую премию. Выше наград в отечестве не имелось.

Быков-писатель получил должное за выдающиеся достижения в творчестве. Быков-политик был поощрен за то, что не встал на тропу Александра Солженицына, не показал беспричинность коммунистической системы, не стал ее расшатывать, закапывать так, как закапывал войну. Коммунизм как перманентная война с Человеком в доперестроечных произведениях Василя Быкова не прописан, ибо существовал Быков-цензор, уважающий правила игры.

В 1988 году создан Белорусский народный фронт, поставивший три главные задачи: 1. Освобождение Беларуси от коммунизма. 2. Возрождение белорусов как нации. 3. Строительство независимого национального государства. БНФ — детище интеллигентов-гуманитариев, отпрыск Духа. Один из учредителей фронта — Василь Быков. Его фигура настолько значительнее прочих, что Быкова называют лидером БНФ. Если по-партийному — идеологом (формальным лидером фронта до 1999 года был археолог и искусствовед Зенон Позняк).

Компартия начала бешеную борьбу с БНФ прямо при его рождении — на учредительном собрании. Первый съезд фронта проходил в Вильнюсе. Первая массовая акция фронта (поминовение предков по народному обычаю в октябре 1988-го) подавлена милицией и войсками. "Пена на волне перестройки" — так титулованные историки назвали статью о деятелях фронта, имея в виду и Быкова. "Они едят наш хлеб" — так упрекали рабселькоры писателей, в том числе Быкова. "Фашист" — такова кличка была присвоена зомбированным народом Зенону Позняку. "Лжец" — такой народной клички удостоился Василь Быков.

После перестройки Быков открыл свой писательский фронт — Четвертый Белорусский. Первый, Второй и Третий, как известно, образованы в Великой Отечественной войне, но эта война, по Быкову, началась не в 1941-ом, а раньше, в 1920-м (ноябрь-декабрь), когда против большевистской оккупации вспыхнуло Слуцкое восстание. Окруженные красными, зная об их зверствах, повстанцы решили не сдаваться живыми. Выкопали в лесу яму, по очереди

влезли туда, каждый застрелил себя. Самому молодому, Володьке, командир приказал: "Закопать, заровнять. Чтоб следа не осталось. И — живи!"

Не ясно, остался ли жив паренек, удалось ли ему скрыться от карателей. Мы видим нового Быкова. Исследующего двуединое чудовище двадцатого века — коммуно-фашизм, окрашенный в "красно-коричневое" (название одной из его статей). Чем глобальнее Быков, тем яростнее ненависть к нему белорусских властителей, продолжающих строить то, чему воспротивились слущкие повстанцы и здравомыслящий мир. Писатель вновь оказался на войне.

В 1994 году Василю Быкову исполнилось 70 лет. К юбилейному дню рождения 19 июня сотрудники творческого объединения литературно-драматических передач БТ подготовили одночасовую программу. Половину занимало интервью писателя, записанное дома, а половину — прямой эфир, собравший общественных деятелей, читателей.

Премьер-министр Вячеслав Кебич испугался Быкова в прямом эфире. Вместо передачи за два дня до юбилея человека, которым вправе гордиться Беларусь, "Советская Белоруссия" дала ернические заметки псевдолитератора-завистника "Времена "пророков" канули в Лету". День рождения Василя Быкова его почитатели отметили в столичном сквере имени Янки Купалы, под дождем. Мероприятие организовал БНФ.

В 1999-ом, когда Быкову исполнилось 75 лет, его чествовали полуподпольно в Доме литератора, отобранном президентом. В зале не было официальных лиц. Спряталось руководство СП. На сцене отсутствовал обязательный в таких случаях портрет юбиляра, не было надписи, напоминающей, что же происходит в этом зале, где отсутствует ... сам юбиляр. Уже год как он находился в Финляндии. Четвертый Белорусский фронт потерпел поражение.

Отъезд Быкова летом 1998-го в Финляндию президент Александр Лукашенко воспринял болезненно, посвятил писателю немало места в интервью своей "СБ". Президент убежден, что политический демарш Быкова "организован окружением писателя."

Я знаю окружение Быкова, оно действительно политизировано. В Беларуси, разодранной на две части (пропрезидентская и антипрезидентская) политизировано все и вся. Даже времена года и атмосферные явления. Если президент в запале могущества и риторики обещает крестьянам, что-де я дам вам дождь, то оппозиция молится, чтобы дождя не было. Если в

распластанной под тоталитарным режимом нищей стране еще живет Дух, то оппозиции будет лучше, чтобы Духа здесь не было.

Слишком часто БНФ использовал Быкова где надо и где не надо. Фронт не жалел его таланта. Забыл, что Быков писатель и этим ценен нации. Вовлек Дух в сиюминутные разборки, обмакнул в политическую грязь. Использовал — и забыл. Зенон Позняк в эмиграции с 1996 года. В 1998-ом, когда Быков был еще в Минске, я спросил его: "Звонит ли вам Позняк из Америки? Спрашивает ли совета? Ведь вы лучше знаете ситуацию в стране." — "Звонил один раз", — ответил Быков, не пытаясь скрыть досады и от моего вопроса, и от Позняка.

Духовная эмиграция Быкова началась еще до жительства в Финляндии (затем — в Германии). Поначалу из его произведений эмигрировали реалии и люди Беларуси. В рассказах-притчах обосновались люди-символы из условной страны. Над ними висит рок в виде камня-судьбы, который они катят вверх, но он срывается вниз и всех давит. Они роют ногтями стену, выползают наружу, а там — вторая стена. Новые герои Быкова — бесплотны, как невидимки.

В общественное мнение запущено предположение, что Быков "списался", что "писателя стубила политика". Новое "мнение" удачно наложилось на предыдущие, запущенные в оборот коммунистической пропагандой. Любой щелкопер позволяет себе походя куснуть Быкова.

В изолировании Быкова хорошо постарались известные российские писатели, выступающие в президентских и славянских газетах Беларуси. То, что они пишут о Быкове, похоже на русский мат либо бред сумасшедшего. А народу нравится. Власть предприняла все необходимое, чтобы Быков не сделался духовным лидером белорусов. Он достоин им быть, но не стал. Не стал и влиятельным политиком. Его исчезновения, равно как и его российско-Березовский "Триумф" в начале 2000-го, здешняя масса не заметила. Лишь по злобной советской привычке гавкнуло вслед БТ, натасканное хозяином. Гавкнуло устами Владимира Севрука. Бывший идеолог ЦК КПСС вернулся на историческую родину, где пригодился. Белорусские власти используют его в качестве пенсионера-советника по борьбе со свободой Духа. Время пошло вспять. В Беларуси наступил 1966 год...

2000